

ДРЕВНИЙ РИМ

Е. В. Смыков

ЛУЦИЙ ЛИЦИНИЙ ЛУКУЛЛА: ПОЛКОВОДЕЦ И ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ

Личность и судьба Л. Лукулла, консула 74 года до н. э., интересна во многих отношениях. Хотя последнее специальное исследование его жизни и деятельности появилось три с лишним десятилетия назад¹, Лукулл неизменно высоко оценивается исследователями, даже если его имя упоминается лишь мимоходом². Говоря словами современного французского исследователя, в его фигуре “нашли отражение самые разные силы, раздиравшие государство в годы особенно бурной экспансии”³, и уже одно только это побуждает к внимательно-му изучению его карьеры, в особенности — ее заключительных этапов. Для

¹ *Van Ooteghem J. Lucius Licinius Lucullus. Namur, 1959.*

² Вот небольшая подборка характерных оценок его деятельности: “достойный преемник своего учителя и друга Суллы” (*Моммзен Т. История Рима. СПб., 1995. Т. 3. С. 46*); “Наполеон последнего века республики” (*Ферреро Г. Величие и падение Рима. М., 1915. Т. 1. С. 204*); “талантливый римлянин, один из первых вообразивших себя в роли Александра Македонского” (*Виттер Р. Ю. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923. С. 169*); “полководец и дипломат высшего ранга” (*Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. Republik und Kaiserzeit. München, 1982. S. 210*); “последний значительный представитель нобилитета сулланской школы” (*Kornemann E. Römische Geschichte. Stuttgart, 1964. S. 504*); См. также: *Green P. Alexander to Actium: The historical evolution of the Hellenistic Age. Berkeley; Los Angeles, 1990. P. 656*; *Cobban J. M. Senate and Provinces. 78—49 B. C. Cambridge, 1935. P. 13*; *Ormerod H. A., Cary M. Rome and the East // САП. 1932. Vol. 9. P. 371*; *Magie D. Roman Rule in the Asia Minor. Princeton, 1950. P. 349 f.*; *Marsh F. B. A History of the Roman World from 146 to 30 B. C. L.; N.Y., 1963. P. 152 f.*; *Frank T. Roman imperialism. N. Y., 1914. P. 308*; *Scullard H. H. From the Gracchi to Nero. A history of Rome from 133 B. C. to 68 A. D. L.; N. Y., 1982. P. 101*; *Holmes T. R. The Roman Republic and the Founder of the Empire. N. Y., 1968. Vol. 1. P. 179*; *Badian E. Roman imperialism in the late Republic. Prctoria, 1967. P. 35*; *Piganiol A. La conquete romaine. P., 1944. P. 349*. Впрочем, cite Т. Франк отметил, что имя Лукулла зачастую ассоциируется в первую очередь со знаменитыми “лукулловыми пирами” (*Frank T. A History of Rome. N. Y., 1934. P. 254*). В таком духе Лукулл характеризуется и в Советской исторической энциклопедии (См.: СИЭ М., 1965. Т. 8. С. 812).

³ *Грималь П. Цицерон М., 1991. С. 148.*

понимания римской политической реальности конца Республики важно разоб-
браться, почему в ней не нашлось места такому талантливому воиному и не ме-
нее талантливому администратору, почему после своего смещения он уходит в
частную жизнь и оживает, по остроумному, хотя и не вполне справедливому,
замечанию С. Л. Утченко, “как будто лишь тогда, когда он мог сделать какую-
либо неприятность своему сопернику Помпею”⁴.

При изучении событий, связанных с отставкой Лукулла, современные ис-
следователи опираются в основном на информацию, сообщаемую Плутархом.
Согласно его версии, Лукулл навлек на себя ненависть римских деловых людей
своими финансовыми распоряжениями в Азии (Plut. Luc. 20.2—6), затем —
воинов, с которыми он не умел быть ласковым, но обращался высокомерно
(ibid. 33.2); вожаки народа в Риме обвиняли его в затягивании войны с целью
личной наживы (ibid. 33.5—6)⁵; наконец, окончательно погубила Лукулла пол-
рывная работа среди его солдат, проводившаяся П. Клодием (ibid. 34.1—4).
Дион Кассий, также оставивший подробное описание этих событий, не добавля-
ет ничего принципиально нового, развивая ту же тему о недовольстве солдат
суровой дисциплиной (Dio Cass. 36.16.1—3) и об агитации среди них Клодия
(ibid. 36.14.4). Аппиан, как всегда сухой и не склонный к излишней драматиза-
ции событий, не сообщает о недовольстве солдат, упоминая лишь, что Лукулл
ушел из Армении вследствие недостатка продовольствия (App. Mithr. 88). В
следующих главах он упоминает об обвинениях в затягивании войны (ibid. 90),
и о том, что римляне сочли несвоевременным вести такую значительную войну,
пока они не справятся с трудностями — отпадением Италии и голодом, нача-
вшимся вследствие действий пиратов (ibid. 91)⁶. Другие античные авторы, пи-
савшие о Митридатских войнах — эпитоматор Тита Ливия, Флор, Евтропий,
Орозий, а также Саллустий (в дошедших до нас фрагментах его “Истории”) —
не добавляют к уже известному практически ничего.

Однако, кроме этих, относительно поздних, источников существует и ис-
точник, современный событиям — речь Цицерона “О законе Манилия”. В целом
она подтверждает версию более поздних авторов, хотя отличается от нее неко-
торыми существенными деталями. В своей речи Цицерон остерегается бросить
малейшую тень на Лукулла, который был его личным другом; напротив, он по-

---

⁴ Утченко С. Л. Кризис и падение Римской республики. М., 1965. С. 60. Эта же ха-
рактеристика дословно вошла в его последующие работы. Ср.: Древний Рим. События.
Людн. Илсн. М., 1969. С. 104; Юлий Цезарь. М., 1976. С. 93; Цицерон и его время.
М., 1986. С. 171.

⁵ Эти обвинения нашли свое отражение и у Веллея Патеркула, по словам которого,
Лукулл “скорее не хотел, чем не мог положить конец войне” (Vell. 2.33 l. ultimaque bello
tantum raene magis noluerat inpropete, quam non potuerat).

⁶ Эта информация является явным анахронизмом: война с пиратами началась практи-
чески одновременно с Митридатской войной, и, как отмечал еще Т. Моммзен, постоянно
находилась с ней в тесной связи (Моммзен Т. Указ. соч. С. 54), а в Италии в это время
было относительно спокойно.

стоянно подчеркивает заслуги полководца и его достоинства⁷. Чем же в таком случае вызвана необходимость его замены Помпеем? Тем, отвечает Цицерон, что он, совершив большие подвиги, перестал руководить военными действиями (*De leg. Man.* 11.5: *magnis rebus gestis ab eo bello discedere*), в результате чего оказались под угрозой интересы римского народа на Востоке, его "*certissima vestigalia et maxima*" (*ibid.* 11.6). Но виноват в этом вовсе не Лукулл, а случайность (*ibid.* 4.10); характер этой случайности Цицерон объясняет чуть позже: войско стало испытывать тревогу из-за необычайной отдаленности мест, в которые они зашли, и тоску по своим близким, а Митридат, своими несчастьями вызвавший сочувствие у соседних царей и народов, собрался с силами и совершил то, чего до поражения не посмел бы и желать — напал на "прославленное и победоносное" (*clarum et victorem*) римское войско, нанес ему сильнейшее поражение (*ibid.* 9.23-25). К этому прибавилось то, что, следуя древнейшему обычаю (*vetere exemplo*), империй Лукулла был ограничен и он передал солдат Манию Глабриону (*ibid.* 9.26).

Так выглядят эти события в изложении Цицерона. Он умалчивает о многом, но не скрывает этого от своих слушателей, наоборот, обращает на это их внимание (*ibid.* 9.26). Видимо, из-за этих недомолвок его рассказ о событиях в целом не очень высоко оценивается современными исследователями в качестве самостоятельного источника и используется обычно лишь для подтверждения информации других авторов. Тем не менее, обращают на себя внимание, по крайней мере, два момента. Во-первых, речь Цицерона не содержит никакой критики Лукулла, что не совсем увязывается со сведениями о широком недовольстве им в Риме; в ней говорится не о замене плохого командующего хорошим, а о смене хорошего еще лучшим. Во-вторых, Цицерон прямо говорит, что его попросили представлять их интересы всадники (*ibid.* 11.4), но при этом ни словом не упоминает о финансовых мероприятиях Лукулла; обеспокоенность же всадников положением дел в Азии он объясняет их боязнью утратить эту богатую провинцию. Таким образом, мотивировка действий, приведших к смещению Лукулла, в изображении Цицерона несколько отличается от общепринятой, хотя и здесь заметны следы какой-то неудовлетворенности деятельностью Лукулла со стороны определенной части римского общества и конфликта генерала со своей армией. Поэтому имеет смысл обратиться вновь к уже известным фактам, и, при помощи речи Цицерона внести коррективы в данные всей остальной античной традиции, попытаться выяснить истоки обоих этих конфликтов — с общественным мнением римской гражданской общины и с собственной армией — и рассмотреть, какое влияние все это оказало на судьбу и карьеру Лукулла.

---

⁷ "Vir summus" (*De leg. Man.* 4.10), L. Lucullo... forti viro et sapienti homini et magno imperatori" (*ibid.* 8.20). Впрочем, комплиментов в адрес Помпея в речи гораздо больше и они гораздо цветистее.

Лукулл получил пост главнокомандующего в войне с Митридатом по окончании своего консульства⁸. Плутарх сообщает о романтической истории, при помощи которой ему удалось получить это назначение (Plut. Luc. 6.3-6); если даже это и правда, и назначение Лукулла в действительности являлось "торжеством альковной дипломатии"⁹, то мы все-таки должны признать, что кандидатура его устраивала в тот момент всех и не вызвала серьезных возражений. Для сената он был приемлем, как твердый султанец и достойный член римского нобилитета, к тому же решительно противостоявший во время своего консульства демагогам типа Цетега и Квинтия, пытавшимся "насильственно изменить государственный строй" (Plut. Luc. 5.7), основная масса населения не имела против него серьезных возражений, так как, говоря словами Плутарха, "он остался непричастен к тем ужасам, которые творили в Италии и Сулла, и Марий" (ibid. 4.5), а главная причина того, что "все сограждане в полном единодушии поручили ему... войну" состояла, безусловно, не только в том, что наиболее прославленные полководцы, Метелл и Помпей, не могли выступить на нее, один — по старости, а другой — все еще воюя с Серторием в Испании (ibid. 6.6), но и в знании Лукуллом Востока и доброй славе, которую он там по себе оставил¹⁰.

Что касается нескольких последующих лет, то об отношении в Риме к действиям Лукулла неизвестно практически ничего. Во всяком случае, само это молчание уже достаточно показательное: видимо, особых нареканий на него не было. Римскому общественному мнению должны были импонировать его многочисленные победы, сведшие на нет военное могущество Митридата и вынудившие его искать убежище за пределами своего царства, а также и то, что все

---

⁸ Не вполне ясно, начались ли военные действия в 74 или 73 году до н. э. См.: *Mommsen T.* Указ. соч. С. 41; *Fehrerо Г.* Указ. соч. С. 141 сл.; *Marsh F. B.* Op. cit. P. 150; *Holmes T. R.* Op. cit. P. 178 f.; *Gelzer M. L.* Licinius Lucullus // RE. Bd. 13. S. 384 f.; *Ormerod H. A.* Cary M. Op. cit. P. 358 f. (74 г. до н. э.). Ср.: *Reinach T.* Mithridate Eupator, roi de Pont. Paris, 1890. P. 321 f.; *Geyer F.* Mithridates VI Eupator Dionysos // RE. Bd. 15. S. 218 f.; *McGing B. G.* The Date of the Outbreak of the Third Mithridatic War // Phoenix. 1984. Vol. 38. № 3. P. 12—18 (73 г. до н. э.). Э. Ольсхаузен высказывается осторожно: хотя консулы отбыли на Восток в конце 74 г., военные приготовления заняли у них много времени, и удар Митридата был неожиданным (См.: *Olshausen E.* Pontos // RE. Supplbd. 15. S. 432). А. Н. Шервин-Вальт решительно принимает дату 73 г. до н. э. См.: *Sherwin-White A. N.* Roman Foreign policy in the East. 168 B. C. to A. D. 1. I... 1984. P. 165.

⁹ *Fehrerо Г.* Указ. соч. С. 141.

¹⁰ О пребывании Лукулла на Востоке после отправления Суллы в Испанию см.: Plut. Luc. 4; ср. эпиграфический материал — надписи из Синнады (IGR 4.701), Тиаиры (IGR 4.1191), с Делюса (Dess. 865). Ряд других материалов приводится в статье: *Ameling W.* Lucius Licinius in Chios // Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik. 1989. Bd. 77. S. 98 f. См. также: *Kajava M.* Roman Senatorial Women and the Greek East. Epigraphic Evidence from the Republican and Augustan Period // Roman Eastern Policy and other Studies in Roman History. Helsinki, 1990. P. 70. Как совершенно справедливо отмечает Д. Коббан, хотя нельзя полностью доверять благодарственным надписям, само их число говорит в пользу Лукулла. См.: *Cobban J. M.* Op. cit. P. 101.

это не стоило ни гроша государственному казначейству¹¹. Первые осложнения начались, видимо, в 71—70 гг., и связаны они были с финансовыми распоряжениями Лукулла в Азии, сильно затрагивавшими интересы римских публиканов¹². Оценка этих распоряжений в современной исторической литературе однозначна: обычно отмечается, что они отвечали интересам провинциалов, Лукулл, осуществляя их проявил себя как способный администратор — и, в то же время, они оказались для него роковыми, так как навлекли на него ненависть всадничества, которое в конце концов и добилося замсны его Помпеем¹³.

Само по себе это недовольство вполне понятно и сомнений не вызывает¹⁴. Но в таком случае закономерен вопрос — почему Лукулл пошел на конфликт с влиятельным социальным слоем в римской гражданской общине? У Плутарха содержится очень интересная информация, проливающая свет на мотивы действий полководца. Согласно его рассказу, “всю Малую Азию охватил приступ прежнего недуга, ибо то, что она терпела от римских ростовщиков и сборщиков податей, переносить было невозможно. Впоследствии Лукулл прогнал этих хищных гарпий, вырывавших у народа его хлеб, но первоначально он лишь увещевал их, призывая к умеренности, чем и удерживал от полного отпадения общины, из которых, можно сказать, ни одна не хранила спокойствия” (Plut. Luc. 7.5). Таким образом, Лукулл столкнулся со вполне реальной опасностью — возможным массовым переходом азиатских городов на сторону Митридата в случае его вторжения в Азию, как то уже было однажды во время Первой Митридатовой войны, — ведь в начале новой войны свое расположение к понтийскому царю уже продемонстрировала Вифиния, лишь недавно ставшая римской провинцией¹⁵. Поэтому его политика, направленная на ограничение аппетитов

¹¹ Согласно Плутарху, Лукулл даже отказался от суммы в 3 тыс. талантов, выделенной ему Сенатом для строительства флота (Plut. Luc. 13.4).

¹² Об этих распоряжениях см.: Plut. Luc. 20.3—4; App. Mithr. 83.

¹³ Нет, пожалуй, ни одного исследователя, который бы не отдал дань этому мнению. См., например: *Бокцианин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 36, 38; *Винтер Р. Ю.* Указ. соч. С. 169 сл.; *Ковалев С. И.* История Рима. Л., 1986. С. 413; *Машкин Н. А.* История древнего Рима. М., 1956. С. 277; *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 47; *Сергеев В. С.* Очерки по истории древнего Рима. М., 1938. Ч. 1. С. 280; *Van Oosteghem J.* Op. cit. P. 107 f.; *Ormerod H. A., Cary M.* Op. cit. P. 365; *Frank T.* Roman imperialism. P. 307. До логического конца довел эту версию событий Д. М. Коббан, который и, в силу со времени азиатских распоряжений Лукулла начинает отсчет планомерной работы римских всадников по его смещению (см.: *Cobban J. M.* Op. cit. P. 117 f.).

¹⁴ *Brunt P.* The equites in the late Republic // *The Crisis of the Roman Republic.* Cambridge; N. Y., 1969. P. 115.

¹⁵ *Magie D.* Op. cit. P. 324 f. Справедливости ради отметим, что у нас нет ни одного эпиграфического свидетельства симпатий азиатов к Митридату, что побуждает к известной осторожности в выводах. См.: *McGing B. G.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontos. Leiden, 1986. P. 142 f. Р. Бернард, обстоятельно исследовавший взаимоотношения восточных полисов с Римом, также пришел к выводу, что азиаты вряд ли выступили бы в поддержку Митридата до тех пор, пока он был далеко и не доказал на деле свою способность разбить римскую армию. См.: *Bernhardt R.* Polis und romische Herrschaft in der späten Republik (149—31 v. Chr.) Berlin; N. Y., 1985. S. 64

публиканов, бесспорно, способствовала умиротворению провинции¹⁶, тем более что жители Азии уже прекрасно знали — господство Митридата в принципе ничем не отличается от римского¹⁷.

Финансовые мероприятия Лукулла большинством исследователей датируются зимой 71/70 гг.¹⁸ Как отметил в свое время Я. А. Манандян, они были теснейшим образом связаны с подготовкой похода в Армению и должны были обеспечить римской армии прочный тыл на западе¹⁹. Несомненно, эти мероприятия противоречили интересам римских публиканов и вызвали их ярость, но представляется маловероятным, чтобы они уже в это время начали интриги, добиваясь смещения Лукулла: война казалась законченной, и полководец даже обратился в Рим с просьбой прислать обычную в таких случаях комиссию из десяти человек для организации новой провинции²⁰.

В этот момент Лукулл находился на вершине своей славы и могущества. Под его властью были сосредоточены три провинции, не считая обращенного им же в провинцию Понта. Для понимания последующих события важно учитывать, каким образом он получил эту власть. Первоначально Лукуллу удалось добиться замены доставшейся ему по жребию по окончании консульства Цизальпинской Галлии на Киликию, правитель которой умер²¹; одновременно в Вифинию был назначен его коллега по консульству М. Аврелий Котта (Plut. Luc. 6.7; App. Mithr. 71; Memn. 15.37.1). Видимо, они были независимы друг от друга, хотя ведение войны было поручено Лукуллу²². Однако Котта, не обладавший военными талантами²³, тоже жаждал лавров победителя. Результатом этих притязаний стало поражение его войска и осада Каххедона Митридатом, причем сам Котта был заперт в осажденном городе и извлечен от осады лишь своевременно подоспевшим Лукуллом²⁴. В дальнейшем Котта уже не играет

¹⁶ Как отмечают Д. Мэйджи и Б. Г. Макгинг, первый же крупный город Азии, встретившийся на пути Митридата оказал ему сопротивление и не спешил отложиться от римлян. См.: *Magie D. Op. cit.* P. 231; *McGing B. G. Foreign Policy.* P. 143.

¹⁷ *Magie D. Op. cit.* P. 222 f., 231. Уже во время Первой Митридатовой войны в городах Азии, не получивших обещанной свободы, происходили восстания, направленные против поппийцев. См.: App. Mithr. 48; 62; Liv. Ep. 82; Oros. 6.2.8.

¹⁸ *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 45; *Magie D. Op. cit.* P. 252, 338; *Reinach T. Op. cit.* P. 352; *Piganiol A. Op. cit.* P. 350 f.; *Bengtson H. Op. cit.* S. 210; *Heiland W. E. The Roman Republic.* Cambridge, 1923. Vol. 3. P. 35 f.; *Nicolet C. L'ordre équestre à l'époque républicaine (312—43 av. J. C.).* P., 1966. T. 1, P. 353.

¹⁹ *Манандян Я. А.* Тигран Второй и Рим. Ереван, 1943. С. 88.

²⁰ Об этой комиссии см.: Cic. Att. 13.6.4; Plut. Luc. 35.7; Dio. Cass. 36.43.2.

²¹ Plut. Luc. 6.1—6; *Jashemski W. E. The origin and history of the proconsular and the propretorian imperium to 27 B. C.* Chicago, 1950. P. 67 f.

²² Plut. Luc. 6.7; App. Mithr. 72; Memn. 15.37.1; Cic. Pro Mur. 33. Цицерон и Плутарх четко разграничивают обязанности Котты и Лукулла: первый должен был охранять Вифинию, а второй — вести войну с царем. Аппиан и Мемнон говорят о назначении Лукулла главнокомандующим.

²³ Ср.: App. Mithr. 71: "человек, в военном отношении слабый"

²⁴ Plut. Luc. 8 f.; App. Mithr. 72; Oros. 6.2.13. Аппиан и Орозий говорят лишь об осаде города Митридатом, не упоминая ее снятия Лукуллом. Но это его деяние специально

активной роли в войне, Аппиан и Плутарх его даже больше не упоминают. Известно, что империй его был продлен, и в Рим он отбыл лишь в 70 г., отослав предварительно свои войска Лукуллу (Мемн. 16.52.2)²⁵. Таким образом, Вифиния перешла к Лукуллу, и он управлял ею, по-видимому, через своих легатов²⁶. Еще раньше, хотя точно неизвестно как, Лукулл получил Азию. Веллей Патеркул утверждает, что она досталась ему после консульства по жребию (Vell. 2.33.1: ex consulatu sortitus), но это явная ошибка, так как жребий доставил ему Цизальпинскую Галлию (Plut. Luc. 5.3). Сообщение о том, что сенат отправил Лукулла в Азию, есть и у Мемнона (15.37.1), и оно, возможно, дает ключ к решению вопроса о времени получения им этой провинции. Одновременно с упоминанием о назначении Лукулла в Азию, этот автор указывает и на направление в Вифинию Котггы: между тем, обе эти области в 74 году находились под управлением М. Юнка²⁷. Следовательно, уже отправляясь вместе с Котгой к театру военных действий, Лукулл имел какую-то власть над этой провинцией, и власть эта по своему оформлению была конституционной²⁸.

Таким образом, Лукулл имел власть сразу над несколькими провинциями, и именно это было его слабым местом, так как, в сущности, плохо вязалось с римской республиканской конституцией. После восстановления досулланских порядков в 70 году такая концентрация власти в руках одного человека, тем более, известного своей близостью к Сулле²⁹, не могла не настораживать, хотя Лукулл до этого и не участвовал в вооруженной политической борьбе, пользуясь исключительно легальными методами. Именно сменой политического режима, а не интригами Помпея, следует объяснять то, что у Лукулла одну за другой забирают его провинции³⁰: в 69 году его лишают Азии (Dio Cass. 36.2.2), затем —

отмечено в записи о триумфе Лукулла: conlegam suum pulsum a rege Mithridate, cum se in Calchedona contulisset, opsidione liberavit (Dess. 60).

²⁵ В 72—70 гг. Когда действовал против Гераклея Понтийской, о чем подробно рассказывает Мемнон в 16 книге своего труда. Несмотря на важное стратегическое значение этого города, которое совершенно справедливо отмечает С. Ю. Сапрыкин (см.: Сапрыкин С. Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М., 1986. С. 237), в общем ходе войны это был лишь "бой местного значения", тем более, что уже в конце 72 года разбитый Митридат бежал в Армению.

²⁶ Jashemski W. F. Op. cit. P. 77.

²⁷ О том, что Юнк управлял Вифинией, упоминает только Веллей Патеркул (Vell. 2.42.3). Вообще о нем известно крайне мало, неизвестен даже его пол; cognomen же Iulius существовал в трех родах — Эмиллев, Клавдиев, Юниев. А. Н. Шервин-Уайт считает его Юнием Юнком (см.: Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 162). Утверждение Коббана о том, что Юнка отозвали из провинции из-за его бездарности (incapacity), в источниках подтверждения не находит. См.: Cobban J. M. Op. cit. P. 109, 110 f., 146.

²⁸ Crawford M. The Roman republic. Hassocks (Sussex), 1978. P. 155.

²⁹ Что это служило плохой рекомендацией, видно из сообщаемого Титом Ливием факта: сразу же после восстановления досулланской конституции цензоры исключили из Сената 64 человека (Liv. Ep. 98) — не менее 1/8 его состава, по мнению Т. Моммзена (см.: Моммзен Т. Указ. соч. С. 70). Политические мотивы этого акта очевидны.

³⁰ О политических мотивах см.: Eckhardt K. Die Armenischen Feldzüge des Lucullus // Klio. 1910. Bd. 10. S. 198, 200. Версию об интригах Помпея наиболее полно и последова-

Киликии (ibid.), наконец — Вифинии и Понта, переданных Манию Адилию Глабриону (Cic. De leg. Man. 26; Sall. Hist. 5.13). Комментируя происшедшее, Цицерон заявляет: "...Вы, следуя древнейшему обычаю (vetere exemplo), сочли нужным ограничить продолжительность его империя" (Cic. De leg. Man. 26). Следовательно, поводом к замене Лукулла была неконституционность сосредоточения такой власти в одних руках. Кроме того, уместно вспомнить, что он уже публично заявил о своей победе, вызвав комиссию десяти, и ограничение его власти, учитывая память о Сулле, должно было казаться весьма своевременным.

Итак, в распоряжении Лукулла оставалась фактически одна только армия, что существенно снижало его возможности. Одновременно в Риме продолжалась его дискредитация старым, как мир, способом — путем распространения порочивших его слухов. Главным из них был, безусловно, слух о том, что Лукулл сознательно затягивает войну³¹. Обвинение это могло иметь под собой некоторые основания, хотя мотивы Лукулла были существенно отличными от тех, которые приписывались ему молвой. По сообщению Плутарха, во время осады Амиса (72/71 гг.) он медлил из тактических соображений, желая дать Митридату возможность собрать силы и вступить в сражение с римской армией³². Почему же именно теперь слухи эти, какова бы ни была их реальная основа, принесли свои плоды и привели к резкому падению доверия к Лукуллу? Видимо, сыграли свою роль два момента. Прежде всего, ситуация в Азии вновь стала угрожающей, и, как справедливо заметил М. Кэри, в конце 67 года линия фронта в Малой Азии имела опасное сходство с линией фронта в 74 году³³. Совершенно не имело значения, что силы Митридата были в этих случаях несопоставимы³⁴: в Риме были обеспокоены утратой завоеванных территорий и тем

тельно развивает Д. Коббан (Cobban J. M. Op. cit. P. 117 f.), а также Ферреро (Ferrero G. Указ. соч. С. 174, 195). См. также: Grant M. A History of Rome. L., 1978. P. 166, Seager R. Pompey. A political biography. Oxford, 1979. P. 32; Greenhalgh P. Pompey. The Roman Alexander. L., 1980. P. 72.

³¹ Plut. Luc. 24.1, 33.5; Vell. 2.33.1; Sall. Hist. 4.70; Dio Cass. 36.2.1, App. Mithr. 90. Видимо, такие обвинения были обычными в практике борьбы за военные командования. Р. Сигер обратил внимание на то, что точно такие же обвинения выдвигал Марий против Метелла Нумидика, добываясь его смещения (Sall. Bell. Jug. 64.5-6; Vell. 2.11.2). См.: Seager R. Op. cit. P. 31.

³² Plut. Luc. 14.4. Из современных исследователей рассказ Плутарха считает достоверным Б. Макгинг. См.: McGing B. G. Foreign Policy... P. 151. Возможно, на распространение в Риме слухов о затягивании войны повлияло и то, что Лукулл вызвал комиссию децемвиров, которая отбыла из Рима в 70 или 69 году — поступок, равнозначный заявлению о победе. (См.: Williams R. S. The appointment of Glabrio (cos. 67) to the Eastern command // Phoenix. 1984. Vol. 38, № 3. P. 223.

³³ Cary M. A history of Rome down to the reign of Constantine. L., 1935. P. 354.

³⁴ Согласно Аппиану, Митридат вернулся в Понт, имея 4 тыс. своих воинов и столько же — полученных от Тиграма (App. Mithr. 88). Во время борьбы с Помпеем он имел уже 30 тыс. пехоты и 3 тыс. (по данным Аппиана) или 2 тыс. (по Плутарху) конницы (App. Mithr. 97, Plut. Pomp. 32.1). Это, конечно, ни в какое сравнение не идет с той армией, которую разгромил Лукулл, и которая насчитывала 120 (или 140) тыс. пехотинцев и 16 тыс. конницы, не считая колесниц (App. Mithr. 69; Plut. Luc. 7.5).

ущербом, который придется терпеть вследствие этого. Именно таким настроением проникнута речь Цицерона. Он прямо заявляет, что ему поручили "римские всадники ... при ведении этого общегосударственного дела защитить и их собственные интересы" (Cic. De leg. Man. 4), а затем перечисляет те бедствия, которые может принести неудача в этой войне: "дело идет... о самых верных и богатых источниках дохода римского народа, с утратой которых вы лишаетесь средств и для радостей мира и для ведения войны" (Cic. De leg. Man. 6. Ср.: *ibid.* 14, 17 f.; Pro Mur. 20).

Итак, агитацию против Лукулла в 67 г. следует, по всей видимости, объяснять не столько происками всадников в отместку за его финансовые меры трех-четырёхлетней давности (хотя и старые обиды могли, разумеется, сыграть свою роль), сколько опасностью, нависшей над римской Азией в настоящий момент, и угрожавшей потерей прибылей, извлекавшихся из ее эксплуатации. Может быть, Лукулл еще сумел бы поправить положение и восстановить контроль над ситуацией, но, во-первых, его материальные ресурсы, вследствие лишения власти над провинциями, были ограничены, а во-вторых, и это явилось решающим ударом, совершенно парализовавшим способность Лукулла к сопротивлению, вышла из повиновения его собственная армия. Но на взаимоотношениях этого генерала с его армией следует остановиться подробнее.

Отправляясь в свою провинцию, Лукулл набрал в Италии один легион новобранцев (App. Mithr. 72; Plut. Luc. 7.1). По прибытии на место он присоединил к этим силам еще два легиона, служивших ранее под командованием Фимбри³⁵, и два — расквартированные в Киликии и служившие ранее под командованием П. Сервилия Исаврика³⁶. В общем, силы Лукулла исчисляются античными авторами примерно одинаково: 30 тыс. пехоты и 1,6 тыс. (по Аппиану) или 2,5 тыс. (по Плутарху) конницы³⁷. Впоследствии к ним прибавилось подкрепление, приведенное из Италии Барбой (Memn. 15.41.1), а в 70 году Лукуллу передал свои войска Котта³⁸.

³⁵ Эти легионы именуется в источниках фимбрианцами (Plut. Luc. 7.1, 34.2; App. Mithr. 72; Memn. 15.40.1), или же, по имени их первого командира — Л. Валерия Флакка — валериянцами (Dio Cass. 36. 14.3, 16.3, 41.1; Sall. Hist. 3.33, 5.15).

³⁶ Porphyr. in Hor. Ep. 2.26: Luculli miles: Valerianus et Servilianus exercitus. Указание на то, что это были легионы Исаврика есть только у Пс. Дириона, но оно принимается современными исследователями. См.: Van Ooteghem J. Op. cit. P. 62; Magie D. Op. cit. P. 323 f.; Erdmann E. Die Rolle des Heeres in der Zeit von Marius bis Caesar. Neustadt/Aisch. 1972. S. 57 f.

³⁷ Г. Р. Холмс считает, что эти цифры завышены, так как исходят из численности полностью укомплектованного легиона, тогда как численность легионов, найденных Лукуллом в Азии должна была быть значительно ниже, если только они не получали подкреплений. См.: Holmes T. R. Op. cit. P. 179

³⁸ Численность их мы не знаем, но тот факт, что Котта понес большие потери в сражении у Калхедона (Plut. Luc. 8.3; App. Mithr. 71; Memn. 15.39.2) и все-таки смог после этого продолжать самостоятельные боевые действия, присоединив, правда, отряды союзников (Memn. 16.49.1, 52.3), говорит в пользу того, что силы эти были достаточно значительны.

Таким образом, в 67 г. армия Лукулла, несмотря на все потери, едва ли значительно уступала по численности армии Митридата. Но проблема заключалась в том, что отношения полководца с солдатами этой армии с самого начала отличались напряженностью. В лице фимбрианцев Лукулл получил под свое командование людей, которые, по меткому замечанию современного исследователя, совмещали в себе простой дух профессиональных солдат с духом авантюристов³⁹; он приводит и причину, по которой фимбрианцы с самого начала могли испытывать неприязнь к своему новому командиру: еще во время Первой Митридатовой войны, когда они служили у Фимбрии, Лукулл "если бы предпочел гражданским раздорам заботу о республике" (*Oros. 6.2.10: civiibus discordiis curam rei publicae praetulisset*), мог блокировать с моря царя, осажденного в Питане Фимбрией (о чем последний и просил его), но не сделал этого, позволив Митридату ускользнуть из ловушки и тем самым лишив солдат Фимбрии такого ценного приза⁴⁰. Плутарх, говоря о фимбрианцах, резко негативно оценивает моральное состояние этих легионов, подчеркивая в то же время их высокие боевые качества⁴¹.

По-видимому, недовольство Лукуллом в армии началось сразу же после принятия им командования. Согласно информации Тита Ливия, ему удалось удержать от мятежа воинов, требовавших сражения (*Liv. Ep. 94*)⁴². Несмотря на это, недовольство им продолжало сохраняться, и наши источники постоянно упоминают о каких-то трениях между полководцем и его армией. Так, Мемнон сообщает о переговорах фимбрианцев с Митридатом с целью перехода на его сторону во время осады Лукуллом Кизика (*Memn. 15.40.1*), а Саллюстий — о том, что солдаты были недовольны зимовками у Кизика (73/72 гг.) и Амиса (72/71 гг.) (*Sall. Hist. 5.10; Plut. Luc. 33.4*). Помимо тягот службы, поводом для выражения недовольства служил размер добычи, достававшейся солдатам. Сама добыча была немалой; по сообщению Плутарха, в лагере Лукулла бык стоил драхму, раб — четыре драхмы, а прочую добычу вообще не ставили ни во что⁴³.

³⁹ *Harmand J. L'armee et le soldat à Rome de 107 à 50 avant notre ère*, P., 1967. P. 280.

⁴⁰ *Ibid.* P. 281.

⁴¹ *Plut. Luc. 7.2*. Интересно, что Плутарх, характеризуя легионы, служившие в Азии, не различает фимбрианцев и сервилланцев; видимо, их моральный облик был одинаков. См.: *Erdmann E. Op. cit.* S. 58.

⁴² Это произошло в самом начале войны, так как дальше Ливий говорит о действиях Дейотара, которые имели место в ее первый год. См.: *App. Mithr. 75; Oros 6.2.18; Ritter H. W. Caesars erstes Zusammentreffen mit Deiotarus // Historia. 1969. Bd. 18. Hf. 2. S. 255 f.* Возможно, эти же события имеет в виду Плутарх, когда рассказывает о нежелании солдат Лукулла идти на помощь Котте (*Plut. Luc. 8.4*).

⁴³ *Plut. Luc. 14.1*. Ср.: *App. Mithr. 78*. Согласно подсчетам Е. М. Штаерман, средняя стоимость раба в Римской республике была около 500 денариев (см.: *Штаерман Е. М. Рассвет рабовладельческих отношений в Римской республике*. М., 1964. С. 54). Считая драхму лишь немногим дешевле денария (1 аттическая драхма — 4,36 г серебра, 1 денарий — 4,55 г), можно с уверенностью говорить об экстраординарном размере добычи, вызвавшем такое обесценивание рабов. При этом в данном случае речь, видимо, идет не

Несмотря на это солдаты возмущались тем, что не имеют возможности грабить богатые восточные города (Plut. Luc. 14.2); их возмущение подогревалось еще и тем, что сам Лукулл отнюдь не упускал возможности для личного обогащения⁴⁴.

Первоначально Лукулл не обращал внимания на ропот своих легионеров (Plut. Luc. 14.3), однако во время армянской кампании, желая задобрить армию и обеспечить себе ее преданность⁴⁵, он считал необходимым проявить щедрость⁴⁶. Поэтому после захвата Тигранокерты он, помимо добычи, захваченной во время грабежа города, выдал по 800 драхм каждому солдату⁴⁷. Однако щедрость эта запоздала, напряженность отношений сохранялась, и для поддержания дисциплины приходилось прибегать к самым суровым мерам⁴⁸. Но и эти меры лишь временно приостановили нарастание конфликта, не ликвидировав его: новое обострение отношений произошло в условиях трудного марша на Артаксату. Что привело к нему на этот раз? Источники называют две причины недовольства солдат и провала военных планов Лукулла. В первую очередь, это суровые климатические условия (Plut. Luc. 32.1—2; App. Mithr. 87), а во-вторых, нехватка продовольствия (Dio Cass. 36.6.1; App. Mithr. 88). Причины эти даже сами по себе, без учета недовольства солдат, достаточно существенны, но Лукулл вряд ли остановил бы свое наступление, если бы армия покорно следовала за ним⁴⁹. Первоначально войны выражали свои требования в достаточно корректной форме через военных трибунов, но, не достигнув желаемого результата таким способом, они стали более решительными, их сходки приобрели более буйный характер, и Лукулл был вынужден начать отступление.

Виноват ли Лукулл в возникших трудностях? По мнению А. Н. Шервин-Уайта, он не понимал климатического графика северной Армении и потому

об обращении в рабство свободных, а о продаже рабов, ранее принадлежавших местному населению. См.: Штаерман Е. М. Указ. соч. С. 46 сл.

⁴⁴ По мнению Э. Эрдман, именно Лукулла имеет в виду Цицерон, когда говорит: "neque enim potest exercitum is continere imperator, qui se ipse non continet" (De leg. Man. 38). См.: Erdmann E. Op. cit. S. 59.

⁴⁵ С самого начала этого похода армия неохотно следовала за полководцем и открыто выражала свое недовольство (Plut. Luc. 24.2—3).

⁴⁶ Erdmann E. Op. cit. S. 60.

⁴⁷ О корыстолюбии солдат Лукулла и мотивах, которыми они руководствовались в своем поведении, в поэтической форме рассказывает Гораций (Ep. 2.26—40).

⁴⁸ К. Экарт указывает в подтверждение этого на сообщение Плутарха о суровом наказании, наложенном Лукуллом на беглецов с поля боя (Plut. Luc. 15.8). См.: Eckhardt K. Op. cit. S. 201. Хотя это единственный известный нам случай применения Лукуллом дисциплинарных взысканий, в его армии они должны были применяться широко — как иначе он мог привести к покорности свою одичавшую армию? В общей форме о суровости дисциплины в армии Лукулла сообщает Дион Кассий (36.16.2). Суровость дисциплины в качестве причины мятежа называют многие современные исследователи. См.: Моммзен Т. Указ. соч. С. 47; Ферреро Г. Указ. соч. С. 197; Cary M. Op. cit. P. 353; Heichelheim F. M., Yeo C. A. A history of the Roman people. Englewood Cliffs, N. J., 1962, P. 208

⁴⁹ По рассказу Плутарха, первой реакцией Лукулла на отказ воинов идти дальше были попытки уговорить их продолжить движение (Plut. Luc. 32.4)

слишком поздно начал свое движение⁵⁰. Безусловно, Лукулл рвался вперед, как Артаксате, но неужели этот опытный полководец стал бы действовать так, не имея никаких шансов на успех? Сравнительно недавно Р. К. Булин еще раз тщательно исследовал этот вопрос и пришел к выводу о том, что климатический график для этих мест указывает на возможность продолжения похода в горах Армении в сентябре-октябре при нормальных климатических условиях⁵¹. Но в том-то все дело, что из сообщения Плутарха видно — жестокая непогода наступила неожиданно, то есть не была обычной для этих мест в это время (Plut. Luc. 32.1: οὐκ αἰ ἐλπίζαυτα). Лукулл столкнулся с непредвиденным затруднением, и беда его заключалась в том, что он был не из тех полководцев, за которыми солдаты готовы идти в огонь и в воду.

Эта неудача скорее приостановила, чем ликвидировала надежды Лукулла⁵², и он еще сумел захватить богатый город Нисибис в Месопотамии, где его солдаты хорошо поживились и получили долгожданный отдых; но это был последний успех полководца. Именно во время зимовки в Нисибисе его армия окончательно выходит из повиновения, причем в ее разложении и античные и современные авторы единодушно обвиняют родственника Лукулла, печально знаменитого в дальнейшем П. Клодия Пульхра⁵³.

Несомненно, обвинения эти имели под собой основу; но, в таком случае, следует задать вопрос — действовал ли Клодий по собственной инициативе или выражал интересы враждебной Лукуллу группировки? Последняя версия получила определенное распространение в исследовательской литературе⁵⁴, причем в Клодии, как правило, видят агента Помпея. Соответствует ли эта гипотеза известным нам фактам?

П. Клодий в истории Римской республики фигура одиозная; его репутация, как у античных, так и у современных авторов, весьма скверная⁵⁵, и вряд ли у нас есть основания полагать, подобно С. Л. Утченко, что дошедший до нас образ

⁵⁰ Sherwin-White A. N. Op. cit. P. 182.

⁵¹ Bulin R. K. Untersuchungen zur Politik und Kriegführung Roms im Osten von 100—68 v. Chr. Frankfurt a.M.; Bern, 1983. S. 86 f. Здесь же приводятся графики средних температур и осадков для этих мест в осеннее время.

⁵² Cary M. Op. cit. P. 353.

⁵³ Plut. Luc. 34.2; Dio Cass. 36.14.4; 17.2; Cic. Har. Resp. 42; Sall. Hist. 5.12. Утченко С. Л. Древний Рим. С. 118; Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden Römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 36, 41; Epstein D. F. Personal enmity in Roman politics. 213-42 B. C. L., 1987. P. 59; Lintott A. W. P. Clodius Pulcher — Felix Catilina? // Greece and Rome. 1967. Vol. 14. № 2. P. 158 f.; Seager R. Op. cit. P. 31 f.; Magie D. Op. cit. P. 346; Van Ooteghem J. Op. cit. P. 150 f.; Cobban J. M. Op. cit. P. 178.

⁵⁴ См., например: Ферреро I. Указ. соч. С. 195; Куликов А. В. Восточная политика Рима от Гракхов до Цезаря (133—44 гг. до н. э.). Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1992. С. 11; Cobban J. M. Op. cit. P. 114 f.

⁵⁵ Plut. Luc. 34.2: “человек наглый и преисполненный величайшей заносчивости и самонадеянности”; Dio Cass. 36.14.2: “из-за врожденной склонности к мятежу”. Ср. характеристику Клодия, даваемую Веллеем Патеркулом по другому поводу (Vell. 2.45.1).

традиционно извращен⁵⁶; если даже считать, вслед за ним, все обвинения в адрес Клодия "графаретными и традиционными" — все равно концентрация их при характеристике Клодия впечатляет. Даже репутация "друга солдат" вряд ли свидетельствует в пользу этого деятеля — она говорит лишь о том, что уже тогда он широко пользовался своим излюбленным оружием — лемагогией. Какие основания существуют для утверждений о связи этого молодого беспринципного честолюбца с Помпеем? Г. Ферреро считал, что сам он не мог решиться на этот конфликт, а на связь с Помпеем указывает излагаемая Плутархом речь Клодия, обращенная к солдатам (Plut. Luc. 34.2 f.)⁵⁷. Но в речи говорится всего лишь о противоположности материального благополучия солдат Помпея и бедственного положения воинов Лукулла. С другой стороны, содержащееся в ней принижение значения побед помпеевских солдат⁵⁸, вряд ли понравилось бы их болезненно честолюбивому полководцу, который, как известно, не гнушался даже присваивать себе чужие победы.

Неслабоважно и то, что мы не знаем ничего о политических связях Клодия и Помпея в дальнейшем — наоборот, они враждебны друг другу. Уже в 61 году Помпей выступил против Клодия в его деле (Cic. Att. I.14.2), а Клодий во время своего трибуната пытался поставить под сомнение распоряжения Помпея на Востоке (Plut. Pomp. 48.6; App. BC. 2.15)⁵⁹. Если даже принять сообщение Плутарха о том, что Помпей некоторое время заискивал перед Клодием (Plut. Pomp. 46.4), то необходимо иметь в виду, что этот очень непрочный альянс сложился на базе общей вражды с Лукуллом, сумевшим одержать верх над Помпеем в сенате и заставившим его искать помощи у народных трибунов.

Итак, вероятность того, что Клодий действовал по указке Помпея и в его пользу, ничтожно мала. Каковы же, в таком случае, были его побуждения? Четкий ответ на это дает Плутарх: будучи родственником Лукулла, Клодий рассчитывал на особое положение в его армии; не получив желаемого, он начал свою интригу (Plut. Luc. 34.2). Таким образом, Клодием двигала inimicitia, личная вражда, игравшая огромную роль в римской политической жизни⁶⁰. При этом Клодий хорошо рассчитал свои действия, и его пропаганда среди фимбрианцев, служивших уже более 20 лет и давно недовольных своим командиром, была обречена на успех.

⁵⁶ Утченко С. Л. Кризис и падение... С. 81; его же. Древний Рим. С. 128; его же. Цицерон и его время. С. 188; его же. Юлий Цезарь. С. 112.

⁵⁷ Ферреро Г. Указ. соч. С. 195. Попутно заметим, что, как указал Р. Сигер, Клодий глял, описывая процветание ветеранов Помпея на выделенных им землях: lex Plotia никогда не был претворен в жизнь (Seager R. Op. cit. P. 31).

⁵⁸ Plut. Luc. 34.4: "они всего-то и воевали, что с изгнанниками в Испании да с беглыми рабами в Италии".

⁵⁹ Красноречивые факты об этой враждебности см.: Cic. Ad Q. fr.2.3; Plut. Pomp. 48.5 f.

⁶⁰ Обобщенную характеристику этого политического феномена см.: Epstein D. F. Op. cit. P. 127 f., специально о Клодии — ibid. P. 59, 108 f.

Способствовали усилению недовольства Лукуллом и смутные слухи о якобы подготавливавшихся им походе в Парфию. Из наших источников об этом намерении сообщают Плутарх (Лис. 30.2 f.) и Евтропий (6.9.3). Согласно рассказу Плутарха, римский полководец после взятия Тигранокерты, оскорбленный двойной игрой парфянского двора и лелея собственные честолюбивые замыслы, решил идти на парфию походом; и только сначала — отказ воинов из Понта идти на соединение с ним, а затем — недовольство солдат, которые шли вместе с ним, заставили его оставить этот замысел и двинуться на Артаксату. Евтропий, кратко сообщая о намерении Лукулла, относит его к более позднему времени — после захвата Нисибиса.

Среди исследователей нет единства в отношении к этой информации. Часть из них, особенно те, которые считают Лукулла создателем "нового римского империализма", признают ее за достоверную⁶¹. С другой стороны, еще Г. Моммзен отнес эту историю к числу слухов, распускавшихся врагами Лукулла для разжигания недовольства им в измученной дальними походами армии. В дальнейшем этот вопрос подробно исследовал К. Экарт, подтвердивший мнение Моммзена, и в настоящее время их точку зрения разделяет значительная часть исследователей⁶².

Достоверность этой информации отрицается обычно на том основании, что Лукулл не мог оставить у себя в тылу недобитых Митридата и Тиграна и начать новую большую войну⁶³. Однако, как указал А. П. Шервин-Уайт, вполне возможно наличие определенного рационального зерна в известиях поздних авторов. Отвергая датировку этого события Плутархом⁶⁴, он поместил его, следуя Евтропию, в контекст событий, следующих за взятием Нисибиса. Согласно его предположению, Лукулл намеревался вторгнуться в Адиабену, в те времена принадлежавшую Тиграну, имея своей целью создать угрозу южной части его владений; именно этим новым походом и были недовольны солдаты. Так как вскоре после этого Адиабена перешла под власть Парфии и с тех пор постоянно принадлежала ей, позднейшие историки приняли этот план за намерение атаковать Парфию⁶⁵. Независимо от того, верна или нет эта гипотеза, не подлежит сомнению, что слухи о подготовке Лукуллом какого-то нового похода упорно циркулировали среди солдат, использовались его врагами и способствовали усилению настроенного отношения к действиям полководца и в его собст-

⁶¹ См., например: *Ferpero G.* Указ. соч. С. 183; *Ormerod H. A., Cary M.* Op. cit. P. 368; *Badian E.* Op. cit. P. 35 (с оговоркой); *Debevoise N. C.* A political history of Parthia. Chicago, 1938. P. 71. Из более новых исследований, принимающих это известие, можно указать: *Bivar A. D.* The political history of Iran under the Arsacids // *The Cambridge History of Iran.* Cambridge, 1983. Vol. 3. P. 46.

⁶² *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 50 сл.; *Eckhardt K.* Op. cit. S. 193 f.; *Seager R.* Op. cit. P. 45; *Van Ooteghem J.* Op. cit. P. 137, 141; *Bulin R. K.* Op. cit. S. 81 f.

⁶³ *Eckhardt K.* Op. cit. S. 194; *Bulin R. K.* Op. cit. S. 85; *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 181.

⁶⁴ "None of this sounds probable or even possible in the spring of 68..." (*Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 181).

⁶⁵ *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 182.

венной армии и в Риме. В таких условиях замена Лукулла другим командующим сделалась неизбежной.

Итак, подведем некоторые итоги. Роковое влияние на судьбу Лукулла оказало то, что ему выпало жить в эпоху перемен, и в его деятельности причудливо переплелись старые и новые веяния. С одной стороны, по своим личным качествам он был, несомненно, близок римлянам старого закала. Как отметил Г. С. Кнабе, "все слагасмые Ливиева образа Рима и римлянина — хотя и в типичном для эпохи сочетании с другими чертами, прямо им противоположными, — безошибочно узнаются в жизни и деятельности некоторых известных персонажей еще и в период предсмертного кризиса республики... О военном таланте Лукулла и личном его участии в воинских подвигах, о его верности законам и *clementia*, благочестивой преданности старшим говорится в таком значительном количестве источников, что сомневаться в сообщаемых сведениях не приходится"⁶⁶. Но этот человек, воспитанный в традициях римской старины, волею обстоятельств сконцентрировал в своих руках власть, которой не ведал, быть может, ни один римлянин до него. Несколько провинций под управлением одного человека, непрерывное командование в течение длительного времени — все это плохо вязалось с республиканской конституцией⁶⁷. Но экстраординарные обстоятельства требовали и экстраординарной власти, четкого конституционного определения пределов власти полководца, его полномочий, включая полномочия в области внешней политики. Всего этого Лукулл не имел, оставаясь ординарным римским промагистратом, получившим поручение вести войну. Нечеткость полномочий Лукулла создавала благоприятные возможности для атак на его действия, политических инсинуаций, обвинений в превышении власти и т.п. В этом смысле положение Помпея, явившегося добивать уже разбитого Митридата, было гораздо лучше: его империй предоставлял ему такие вполне конституционные возможности, которых не было у Лукулла. Следовательно, одной из причин неудачи и смещения Лукулла было новое для Рима этого времени несоответствие между властью, которой располагал полководец, и республиканской конституцией и страх, который испытывала римская гражданская община в лице ее лидеров, перед возрастанием силы и самостоятельности полководца, практически лишённого контроля из центра во время его длительной кампании. Имея талант и полномочия для решения чисто военных задач, Лукулл не имел полномочий политических. Как способный администратор, близко знакомый с условиями эллинистического Востока, он, видимо, понимал необходимость создания эффективной системы управления восточными провинциями державы, но не имел полномочий для этого, да, наверное, и не знал, как это сделать. Единственное, на что он был способен — это пресекать конкретные злоупотребления, что являлось достаточно распространенным среди честных

⁶⁶ Кнабе Г. С. Рим Тита Ливия — образ, миф, история // *Ливий Тит. История Рима от основания города*. М., 1993. Т. 3. С. 641.

⁶⁷ И. Брант обратил внимание на то обстоятельство, что столь длительное непрерывное командование имели только некоторые генералы в Ганнибаловой войне, Марий, Сулла и, ближе к Лукуллу по времени, Метелл и Помпей в Испании. См.: *Brunt P. Op. cit.* P. 115.

сенатских наместников поведением. Будучи приверженцем норм традиционной римской морали, Лукулл оказался не в состоянии оценить те перемены, которые происходили в общественной и частной жизни римлян его времени. Эти перемены, безусловно, затронули и его — в том, что касалось частной жизни, роскошь которой у Лукулла явно нарушала освященные обычаями римские нормы. Но, ведя роскошную жизнь, сказочно обогащаясь за счет военной добычи, задавая “лукулловы пиры” — Л. Лициний Лукулл строго соблюдал неписанный “кодекс чести” римлянина в делах общественных. За исключением случая из его молодости, когда он отказался сотрудничать с Фимбрией, у нас нет ни одного факта, который говорил бы о том, что Лукулл, в ходе военных действий заботился больше о личной выгоде, чем о государственных интересах. Ему было не понять публиканов, продолжавших погоню за наживой даже перед лицом страшного врага и совершенно не заботившихся о благе государства; он не понимал солдат, с трудом воспринимавших речи о славе, но зато стремившихся туда, где их ждала большая и легкая добыча: ему были неприятны молодые честолюбцы, претендовавшие на особое положение лишь на основе личных связей и родства и стремившиеся не к прославлению римского оружия, но лишь к собственному возвышению.

Приспособиться к этим явлениям Лукулл не мог и не хотел. Новые правила политической игры, при помощи которых он был лишен права назвать своей победой над Митридатом⁶⁸, были ему не по душе. Он вступил в войну в одиночестве — с разношерстным войском, не имевшим прежде никаких контактов с ним, и с довольно случайным набором легатов (в отличие от Помпея, у которого сложилась “команда” лично преданных ему легатов, которые следовали за ним и в Испании, и в пиратской войне, и в войне с Митридатом) — и в одиночестве же войну покинул, так и не снискав популярности в войске, которое он вел от победы к победе, и на фоне перечня деяний, за которые ему был предоставлен триумф, жестокой издевкой выглядело ничтожное число солдат, оставленных ему Помпеем для этого торжества⁶⁹.

---

⁶⁸ Ср.: “Столичные интриги не позволили завершить разгром Митридата и талантливому полководцу Л. Лукуллу, хотя он был близок к цели, выиграв армянскую кампанию”. (Куликов А. В. Указ. соч. С. 14).

⁶⁹ Согласно сообщению Плутарха, Помпей оставил Лукуллу всего 1600 солдат для празднования триумфа, да и те следовали за ним с большой неохотой. См.: Plut. Luc. 26.4; Rompr. 31.5.